

4. Грушевська, К. Українські народні думи / К. Грушевська : [У 2 т.]. – Київ. – 2004. – Т. 1. – 176 с. ; 2004. – Т. 2. – 304 с.
5. Драгоманов, М. Малорусские народные предания и рассказы / М. Драгоманов. – Киев. – 1876. – 436 с.
6. Кудрявцева, К. Мифологическая основа образа «женщина-город» в Откровении Иоанна Богослова / К. Г. Кудрявцева // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 292–299.
7. Лурье, М. Вещие сны и их толкование (На материале современной русской крестьянской традиции) / М. Лурье // Сны и видения в народной культуре. – М., 2002. – С. 26–42.
8. Милорадович, В. Обряды и пѣсни Лубенскагоуѣзда, Полтавской губерніи. Записанные въ 1888–1895 г. / В. Милорадович // Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества. – Харьковъ, 1897. – Т. 10. – С. 1–223.
9. Народні пісні Чернігівщини (з колиски збирачів фольклору) ; упор. та вступн. статті Л. Сфремової ; НАН України, ІМФЕ ім. М. Рильського. – Київ : Логос, 2015. – 752 с.
10. Путилов, Б. Фольклор и народная культура / Б. Путилов. – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – 240 с.
11. Савельева, В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей : монография / В. Савельева. – Алматы : Жазушы, 2013. – 520 с.
12. Силантьев, И. Мотив как проблема нарратологии / И. Силантьев // Критика и семиотика. – Новосибирск. – 2002. – Вып. 5. – С. 32–60.
13. Теперик, Т. Литературное сновидение: терминологический аспект / Т. Теперик // Литература XX века : итоги и перспективы изучения : материалы Пярых Андреевских чтений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.natara.org/wp-content/uploads/2011/03/teperik.pdf>. – Дата доступа : 13.04.2018.
14. Толстая, С. Число / С. Толстая // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : [в 5 т.]. Т. 5 ; под ред. Н. Толстого. – М. : Международные отношения, 2012. – С. 544–547.
15. Шевчук, Т. Українська усна снотлумачна традиція початку ХХ ст. (розвідки та тексти) / Т. Шевчук, Я. Ставицька. – Київ : Дуліби. – 2017. – 223 с.
16. Элиаде, М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения ; перев. с англ. / М. Элиаде. – М. : Ладомир, 1999. – 488 с.

Юлия Чернявская

**МИФОМОТОР СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА: ОСВОЕНИЕ
ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТАНТ В
СЧИТАЛКЕ**

Статья посвящена теме войны в советском детском фольклоре. Травма преодолевается тревестиванием врага и обращению к архаическим оппозициям «Мы–Они», «Космос–Хаос», «Свой–Чужой».

Julia Chernyavskaya

**MYTHOMOTOR OF THE SOVIET CHILDHOOD: DEVELOPMENT
OF FOLKLORE-MYTHOLOGICAL CONSTANTS IN THE
RHYMES**

The article is devoted to the theme of the war in Soviet children's folklore. The trauma is overcome by travestizing the enemy and turning to archaic oppositions «We are They», «Cosmos–Chaos», «Ours–Aliens».

Еще Александр Лосев утверждал, что «миф есть <...> наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность» [2, с. 31]. Если миф онтологичен, то фольклор – его первичное художественное осмысление. Однако общность мифологии и фольклора не только в том, что живое звучание фольклора разыгрывается на фоне мистерии мифа, но и в том, что, как и миф, он – коллективное и непреходящее явление, хоть и впитывает в себя новые коннотации.

Популярно мнение, что миф и фольклор – культурные категории прошлого. Однако оно не выдерживает никакой критики. Вспомним Ролана Барта, неоднократно утверждавшего, что в XX веке мифологии существуют в виде идеологий [1, с. 569]. *Идеологию в контексте современного мифа можно определить как систему коннотаций, т.е., не прямых значений, которые усваиваются социумом, подспудно руководя мышлением людей.* Следовательно, можно говорить о постоянном возобновлении мифомоделей и их отработке в фольклоре как изустном коллективном творчестве, реализуемых с точки зрения той или иной идеологии.

Фольклорно-мифологическое сознание (как и сознание в целом) формируется не столько требованиями, лозунгами и указами, сколько путем их адаптации к сложившемуся культурному габитусу. Нас интересует советская идеология в качестве мифомодели – и то, как она модифицировалась в детском фольклоре. Историко-идеологический контекст проявлялся не только в играх (в «красных и белых», в «немцев и наших», «в войнушку»), но и в их атрибутике – например, в таком магически-«бессмысленном» компоненте, как считалка: «эне-бене-ряба...», «эники-беники», «Ази, двази, призи, зизи, пятом, мятом, шума, рума, дуба, крест».

Так, общесоветская травма войны в считалке преодолевалась смеховым способом амортизации страха – тревестиванием врага.

«Это было в воскресенье, // Двадцать пятого числа. // Немцы прыгали с балкона, // Со второго этажа. // Первый прыгнул неудачно. // Второй голову сломал. // Третий прыгнул на Марусю, // И ее поцеловал. // А Маруся не стерпела, // Кочергой его огрела. // Он летел, летел, летел // И в помойку залетел. // А в помойке жил Борис – // Председатель дохлах крыс. // А жена его Лариса – // Замечательная крыса. // Родила ему сына. // А Борис кричит: «Ура! // Позовите доктора!» // Доктор скачет на бутылке, // А мы немца по затылку. // Немец думал, что война, // Сделал пушку из г...а. // Зарядил в нее котлету, // Раз, два, три-и пушки нету».

Пусть нас не смущает смещение даты начала войны: в считалке ритм важнее исторической точности⁷. Ключевое здесь слово «воскресенье»: и в кино, и в книгах, и в семейных преданиях особо подчеркивалось, что война началась именно в воскресенье, когда семьи строили планы отдыха на единственный выходной день. Так, жители Минска рассказывали детям и

⁷ Другой вариант считалки начинается так: «На немецком стадионе шла немецкая война», – тут уж есть прямое, адресное указание.

внукам о том, что именно на 22 июня было назначено долгожданное открытие Комсомольского озера. Страшный контраст «воскресенья» и войны преодолевается травестийным образом немца. Заметим: немцы прыгают не с пятого или шестого, а лишь со второго этажа, словом, летают невысоко. Они смешны и неудачливы, «наши» легко расправляются с ними, и пушку немец может произвести лишь известно из чего⁸. В этом сказывается не только детское, но и в целом упрощенное представление о минувшей войне. Войне, в которой мы победим и к которой готовимся уже в детстве.

На тот момент травма войны не была изжита обществом ни в малой мере – как и вследствие страшного опыта, так и по причине лакировки войны в масскультуре. В семейных рассказах в слово «война» вкладывалось множественное содержание – но как правило, латентно, недосказанно: детей берегли. Однако эта недосказанность давала возможность для множества фантазий, ночных страхов и ощущения собственной неполноценности («смог бы я быть таким мужественным, как пионеры-герои?»). Неизжитая потайная травма нуждалась в преодолении. Лакированная картинка войны, сформировавшаяся к 1970-м гг., средством лечения стать не могла: она была патетична, пафосна и фальшива. Дети создали свой – фольклорный, стихийный, захватский – вариант обесценивания врага со всей атрибутикой смешного и позорного: с помойкой и пушкой из фекалий.

Именно такой – резко стереотипизированный, утрированный – образ был востребован сознанием детей и не только детей: «Матка, курка, яйки». В считалке одна мифология смеется над другой: по-крестьянски здравый Иван-дурак – над псевдоберсерком.

Однако содержание этой считалки глубже: в ней прослеживается более древний – и тоже смеховой – компонент. И если первый заключается в снижении образа реального недавнего врага, то второй – в травестизации немца как чужака. Немец не только «фашист», он – давний чужак, иноземец, время от времени попадающийся «на своем поле». Наиболее близкий ему образ – черт, перешедший из фольклора в художественную литературу, а оттуда в программу внеклассного чтения – в книгу Гоголя, а затем и мультфильм «Вечера на хуторе близ Диканьки»

Фольклорный черт – самый малый чин в подземной иерархии, медирующий пространство земли и ада (как чужак на своем поле медирует пространство культуры и антикультуры). Черт – вечный неудачник ада, с завидным постоянством побеждаемый крестьянином, героем белорусских баек и сказок. Тем самым в неудачливости немца – героя считалки – слились и образ врага (неполноценного перед мы-образом), и образ иноземца, и фольклорный черт – невезучий труженик подземья. Нечеловек, недочеловек и античеловек. Нечеловеческая функция немца будет усилена в игре «в войнушку», а также – в Зою Космодемьянскую, в Марата Казея, в Алексея Мересьева и в других героев войны. Базу для репрезентации злодеяний врагов в играх советскому школьнику давали книги рассказов «Пионеры-герои», описывающие пытки и казни его сверстников.

Важный момент: немцем (как и «белым») в игре быть не хотели. И даже после показа «Семнадцати мгновений весны» (1973 год) открытие того, что и у фашистов могли быть обычные человеческие лица, стало уделом взрослых, но не детей: детская категоризация мира значительно более бинаризована. Кроме того, риторика СССР актуализировала дуальные схемы в общественном сознании, создавая постоянное давление на точки «Мы–Они», «Добро–Зло», «наш Космос–их Хаос», «немец (белый)–русский (красный)». Потому детский габитус воспроизводился в заданном – понятном «черно-белом» ключе⁹.

То, что немец летит именно в помойку – закономерно для ребенка 1970-х: «иди в помойку» – одно из самых страшных ругательств детсадовца и младшего школьника. Помойка – табуированное место двора, обладающее дополнительным статусом новизны: до начала 1970-х контейнеров во дворах не было, и мусор забирала машина. Как все новое и по самой сути своей грязное помойка обрывает зловещими коннотациями: неотъемлемый атрибут помойки – крысы, в детском сознании приобретающие чудовищные размеры. Крыса – тоже враг (популярны «страшилки» о том, как крысы выгрызают детям глаза, откусывают носы и удушают младенцев хвостами), но враг иной, чем, к примеру, нацист. Для городского ребенка крыса – медиатор оппозиции «Природа–Культура», образ дикой природы, проникающий в мир повседневности и пытающийся исподволь его разрушить. Однако крысы – дохлые. Дохлая крыса не страшна, она противна и в чем-то смешна, так же, как немец, залетевший в помойку. Низводя немцев к крысам и представляя крыс дохлыми, считалка уравнивает и одновременно преодолевает сразу две оппозиции, будоражащие сознание ребенка: «Свой–Чужой» и «Природа–Культура». Однако в ряду персоналий считалки появляются и другие – «председатель дохлых крыс» Борис, его жена Лариса и, наконец, доктор, скачущий на бутылке. Что касается Ларисы и доктора – это тоже персонажи, табуированные в детском сознании: первая – в силу беременности и родов, второй – вследствие страха перед врачами и больницей. Что касается «председателя», то можно с осторожностью предположить, что в эпоху «шестидесятничества» этот казенный образ претерпел коррозию в общественном сознании: председатель – значит, бюрократ¹⁰, персонаж, безусловно, карикатурный, особенно если учесть, над кем он председательствует в считалке.

Таким образом, эта считалка таит смысловой пучок, увязывающий страшное, отвратительное и запретное и отправляющий его в нечистое место – на помойку, модель детского ада. Так, фольклорная матрица советской детской считалки, с одной стороны, в свернутом виде демонстрирует советскую идеологию, а с другой – строится на древнейших мифо-фольклорных бинарных оппозициях.

Список литературы:

1. Барт, Р. Избранные работы : Семиотика: Поэтика / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Лосев, А. Философия. Мифология. Культура / А. Лосев. – М. : Политиздат, 1991. – 728 с.

⁸ Самое табуированное и самое позорное слово во дворах 1960–1970-х.

⁹ К «Семнадцати мгновениям весны» вполне пригоден анализ волшебной сказки В. Проппа, а также – анализ «бондианы», сделанный У. Эко.

¹⁰ Например, Огурцов в «Карнавальной ночи».